

В доме «на краю города» (М.В. Шик и его близкие)

Вот вам мой приказ.

Исполните его, если меня любите.

*Возьмите к себе Михаила Владимировича Шика в
заштатные диаконы...*

*Из разговора
старца Алексия Зосимовского
с отцом Сергием Сидоровым*

После Октябрьской революции почти два года одним из руководителей потребительской кооперации в Москве был князь Дмитрий Иванович Шаховской. Пожалуй, необычное занятие для князя, но вопросами кооперации он занимался с начала 1910-х годов. Почему же князь, сын генерала Конногвардейского полка, человек с университетским образованием (окончил историко-филологический факультет Петербургского университета) оказался на этой работе? Вот что он писал в автобиографии (1917 год): «В служении русской кооперации я вижу теперь важнейшую свою задачу... Здесь все, что делаешь, – свое, кровное, бесхитростное, родное и никого не надо уговаривать и убеждать, а надо дружно делать одно с дорогими товарищами дело, равно для всех нас близкое... Потому что русский демократ – интеллигент по сущности своей, прежде всего член великого сложного кооператива, имя коему – человечество».

Видимо, такое представление о кооперации было связано для князя Шаховского с тем, что еще в середине 1880-х годов его жизнь проходила в тесном кругу друзей-единомышленников, называвшем себя Братством. Ядро Братства составляли Д.И. Шаховской, В.И. Вернадский, Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги, И.М. Гревс. Их скрепляли общие идейно-нравственные убеждения и личные дружеские связи.

«Теперь нужно братство, как свободное и любовное соединение людей, преследующих одни цели и работающих вместе», – писал Шаховской. Это был своего рода кооператив – объединение интеллигентных людей, искавших общего дела. Члены братства занимались научной работой, народным образованием, земской работой и политикой. Братство стало одним из идейных центров оппозиции, его члены стали членами Конституционно-демократической партии, а Д.И. Шаховской – еще и членом ЦК партии кадетов.

Когда борьба за свержение царской власти закончилась, члены Братства стали бороться за сохранение культуры. Их общим делом в 1920-е годы стало создание массового краеведческого движения, которое бы объединило тысячи интеллигентов во всех концах нашей страны.

Краеведческое движение провинциальной и выброшенной в провинцию столичной интеллигенции началось в годы революции и гражданской войны как движение за спасение гибнущих культурных и природных ценностей. В 1921 году было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) под председательством С.Ф. Ольденбурга.

Важнейшим теоретиком краеведческого движения был другой член Братства – И.М. Гревс, руководивший методическим отделом ЦБК.

Шаховской в 1920-е годы занимался подмосковными «культурными гнездами». В то время он возлагал на краеведение исключительные надежды, видя в нем растущую тягу «миллионов душ русского народа к воссозданию духовных ценностей».

Неудивительно, что дочери Дмитрия Ивановича тоже увлеклись кооперативным движением и краеведением. Младшая – Анна – окончила Высшие женские курсы В.И. Герье в Москве по естественнонаучной специальности, старшая – Наталья – исторический факультет тех же курсов. Семья, хотя и происходившая из очень древнего рода, была небогата. Девочки рано начали трудовую жизнь – давали уроки. А у Натальи Дмитриевны обнаружился литературный дар. В 21 год она уже написала книжку о В.Г. Короленко (В.Г. Короленко. Опыт биографической характеристики. М., 1912).

Обе они участвовали в деятельности религиозно-философского кружка, созданного детьми В.И. Вернадского – Георгием и Ниной. Там Наталья Дмитриевна познакомилась со своим будущим мужем – Михаилом Владимировичем Шиком. Они бывали в усадьбе В.Д. Дервиза, о чем написала его дочь Мария Владимировна: «Помню, еще в Домотканове, приехала к нам веселая компания молодежи. В их числе были Натал[ья] Дм[итриевна], Михаил Владимирович и Владимир Андреевич (Фаворский. – Т.С.), еще не женатые. Обилие снега вдохновило нас прыгать с верхнего балкона. Мы прыгали и глубоко утопали в мягком, великолепно, нетронутом снегу. Все растрепанные, мокрые, мы проносились по комнатам, вылезали в окно залы на верхний балкон, перемахивали через балконные перила и опять летели вниз. Все это со смехом и шутками. В самый разгар веселья Наталья Дмитриевна вдруг удаляется в комнату... Мы с Лелей, как хозяйки, обеспокоились, и в мокрых валенках, со снегом в волосах, пришли спросить, что с ней. “Да так, захотелось немного сосредоточиться и пописать статью. Вы не беспокойтесь, я здорова и мне хорошо здесь тихо посидеть одной”.

Другой раз компания пошла в лес поздно вечером. Был мороз, и луна стояла почти круглая на ясном небосводе, и ее голубым светом наполнился воздух; в лесу черные тени чередовались с яркими всплесками лунного света на снегу: это было странно. Наташечка была легкая и в походке, и в общении, и в движениях, и в делах своих: все она делала как бы на лету. В те годы (1913–1914. – Т.С.) ее тоненькая прямая фигурка, казалось, не имела веса. И вся она – от узких, высоко поставленных плеч до стройных ног – была как горящая свечечка. Маленькую головку с типичным лицом ярославской губернии (хотя она не была крестьянкой) венчало колечко белокурой косы совершенно прямых, не выющихся волос. Из круглого овала лица на вас смотрели круглые, светлые, внимательные глаза, защищенные только четкими верхними веками, но не бровями, потому что брови еле-еле обозначались вздернутыми уголочками над маленькими ямками глазниц. Безбровое лицо кажется особенно чистеньким, хорошо промытым и имеет выражение открытости, бесхитростности.

Выступающая вперед нижняя губа и подбородок – порода отца, а также признак сильной воли; только у отца нос был горбатый, а у Нат[альи] Дм[итриевны] тонкий-тонкий нос лодочкой; овал ее лица в профиль, как молодой месяц. Ей шел русский кокошник и

шушпан. Негромкий голос ее начинал звенеть и повышаться по мере того, как она возбуждалась; он звенел, как серебряный колокольчик, в каком-то невероятно высоком диапазоне, когда сердце ее горело усердием.

По наружности эти супруги были прямая противоположность друг другу. Он – ярко выраженный, хорошей породы еврей, она – типичная русская...

Миша был среднего роста, очень широк в плечах. Он был неподражаемо хорош в виде ассирийца: его характерный нос с сильной горбинкой, его черные глаза в огромных глазницах, задумчивые под полуопущенным четким верхним веком, с высоко поставленной черной бровью с изломом вниз, к скуле, еврейский изгиб губ – все говорило о знойной Палестине – родине его праотцов...

Миша обращал на себя внимание особенно позже, когда надел священническую рясу и отпустил бороду: борода была черная с малиновым отливом. Это была характерная голова Иоанна Крестителя с картины А. Иванова "Явление Христа народу".

Летом 1917 года Н.Д. Шаховская уехала из Москвы в Дмитров Московской губернии и стала заведовать культурно-просветительским отделом Дмитровского Союза кооператоров. Создавала кадры внешкольных работников, организовывала библиотеки и краеведческий музей. В январе–июне 1918 года работала в музее.

Анна Дмитриевна поступила в этот же музей летом 1918 года, на должность заведующей отделом ботаники. Известный революционер князь П.А. Кропоткин, живший в 1918–1921 годах в Дмитрове, отмечал деятельность сотрудниц музея, в том числе А.Д. Шаховской: «...и я радовался, видя, как разумно отнеслись к своему делу наши три молодые сотрудницы музея – геолог, ботаник и зоолог, в какой интересной и поучительной форме сумели они представить собранный ими материал». В 1919–1921 годах А.Д. Шаховская была заведующей Дмитровским музеем. А в ноябре 1920 года ЧК арестовала троих из четверых сотрудников музея.

Дело в том, что музей был создан при Дмитровском Союзе кооператоров. Руководителей Союза арестовали по обвинению в покупке товаров у частных лиц, которая считалась спекуляцией. Заодно взяли и сотрудников музея, хотя музей никаких торговых операций не вел. Через полгода сотрудницы музея были освобождены из Бутырской тюрьмы и вернулись в Дмитров. Но в сентябре 1921 года А.Д. Шаховская от заведования музеем отказалась, оставшись на должности руководителя естественноисторического отдела. Написала большой очерк о природе Дмитровского края.

А Наталья Дмитриевна еще в 1918 году переехала в Сергиев после того, как вышла замуж за М.В. Шика. Михаил Владимирович Шик, сын московского купца, окончил историко-филологический факультет Московского университета по двум кафедрам – всеобщей истории и философии и еще прослушал курс философии во Франкфуртском университете. Его глубоко интересовали религиозные вопросы. Возникла духовная близость с поэтессой Варварой Григорьевной Малахией (публиковавшейся под псевдонимом Мирович). Он перевел вместе с ней книгу У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Был активным членом религиозно-философского кружка, одним из организаторов которого являлся его одноклассник по гимназии Георгий Вернадский.

Во время Первой мировой войны Шик находился в армии, занимался эвакуацией населения из районов военных действий в Западном крае.

После войны, в 1918 году, М.В. Шик принял православие. Крестной матерью была В.Г. Малахиева, крестным отцом – художник Владимир Андреевич Фаворский, с которым Шик был давно знаком. При крещении он избрал своим небесным покровителем святого мученика князя Михаила Черниговского. Позднее Малахиева вспоминала: «Однажды в день Ангела о. Михаила я спросила Наташу (его жену), почему он не избрал себе покровителем Архистратига Сил Небесных. Наташа ответила, что ему, по его словам, «как-то по особенному был близок образ князя Михаила Черниговского, замученного в Орде». И тогда я подумала, что в нем бессознательно, а, может быть, и сознательно говорила надежда закончить свой путь на этом свете венцом мученика».

М.В. Шик стал любимым духовным сыном известного всей России старца Зосимовой пустыни Алексия (Соловьева), который говорил, что любит его больше всех на свете.

После свадьбы Михаил Владимирович и Наталья Дмитриевна в августе 1918 года поселились в Сергиевом Посаде.

Она стала преподавать в Сергиевском педагогическом техникуме, на внешкольном отделении. Он в апреле 1919 года вошел в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Ему были поручены работы по охране памятников края. Он обследовал церковь в Софрине, усадьбу графов Зубовых Тимофеевское, совершив пешую экскурсию за 18 верст от Сергиева, Успенский монастырь в Александрове. Занимался он также Вифанской библиотекой, готовил будущих экскурсоводов, написал план-конспект путеводителя по Лавре.

Для сборника «Троице-Сергиева Лавра» (1919) Шик написал статьи «Колокольня и колокола» и «Митрополичьи покои». Это удивительно поэтические описания. Статья о колокольне начинается так: «Когда вы приблизитесь к воротам монастыря и увидите, как бело-розовая колокольня слишком стремительно и пышно вырастает над насупившеюся семьею белосизых и золотых куполов Успенского собора, строго внушающих ей превосходство своего двухвекового старшинства, – вы, может быть, подосадуετε, что не видите на ее месте простых контуров Ивана Великого. Но если вам посчастливится быть у Троицы не мимолетным гостем, и вы успеете вжиться в ее своеобразную красоту, если удастся любоваться колокольней откуда-нибудь из открытого поля, с лесной опушки, среди воздушного простора, на котором она просвечивает своими широкими пролетами и кажется построенной больше из воздуха, чем из камня, – тогда вы почувствуете, как дружно слилась лаврская колокольня с троицким пейзажем, и вполне примиритесь с тем, что благовест расходится по окрестностям с этого величественного, хотя такого, казалось бы, и нерусского создания архитектуры второй половины XVIII столетия».

Читая эти строки, понимаешь, почему именно Шик предлагал положить в основу путеводителя по Лавре эстетический принцип, к сожалению, не осуществленный до сих пор.

Статья о колокольне заканчивалась словами: «Жаль, когда исчезают плоды творчества прошедших поколений, когда исчезают такие создания, не материализовавшиеся в вещественную оболочку, как пение или звон колокольный. Разрушенные здания оставят следы в фундаментах, которые через тысячелетия будут

открыты и изучены археологами, как в Микенах или Вавилоне; исчезнувшие книги подадут о себе весть в цитатах – скольких мыслителей древности мы знаем только по выпискам из них, сохраненных другими авторами. Но звук колокольный, прогудев, растает в воздухе, и эхо не повторит его через века».

И на заседаниях Комиссии Шик ставил вопрос о необходимости обследования Лавры с точки зрения музыкальной. Он говорил о том, что «в ней сохранилось и в рукописях, и в современном ее пении многое, подлежащее обследованию – записи».

Однако сделать этого не удалось. А позже, на заседании Антирелигиозной комиссии при Политбюро ЦК ВКП (б) 6 марта 1926 года члены этой комиссии и присутствовавшие на заседании Н.К. Крупская и А.В. Луначарский высказались категорически «против какой бы то ни было материальной или моральной поддержки со стороны государства певческих и музыкальных хоров, концертов и капелл духовного характера, принимая во внимание, что в данный момент церковная музыка имеет актуально-реакционное значение».

В январе 1930 года с колокольни Лавры были сброшены и отправлены на переплавку колокола Годунов, Карнаухий и Царь-колокол. Сбылось предсказание Шика: «...звук колокольный, прогудев, растает в воздухе и эхо не повторит его через века».

В начале 1920 года Шикуну пришлось уйти из Комиссии по охране памятников искусства и старины Лавры при ее реорганизации. Он перешел на преподавательскую работу в Педагогический техникум, а потом принял сан диакона и служил в Петропавловской церкви Сергиева Посада. Священником в ней был в ту пору о. Сергей Сидоров. Он вспоминал, что его призвал к себе знаменитый зосимовский старец Алексей и сказал: «Вот Вам мой приказ. Исполните его, если меня любите. Возьмите к себе Михаила Владимировича Шика в заштатные диаконы...».

Летом 1922 года в семье родился долгожданный первенец – Сережа. Его рождение было связано с риском для здоровья Натальи Дмитриевны – еще в 1914–1915 годах она болела туберкулезом, и врачи предупреждали об опасности новой вспышки болезни и даже возможности смертельного исхода. Но она сказала: «Жизнь за жизнь – это не так уж дорого». Ольга Павловна Трубачева (Флоренская) вспоминала: «Мы ходили к Шикам-Шаховским. Они жили на Лесной улице, последний дом на правой стороне, а дальше поле. (Видимо, ошибка: Шики-Шаховские жили на Лесной улице в доме №5, а потом – на Бульварной. – Т.С.). У них была терраса, такая светлая, что, казалось прямо в поле находишься. У меня воспоминания об этом доме связаны с васильками – в поле было много васильков. Помню, как там были крестины, по-моему, Сергея Михайловича. И папа вместо кропила использовал букет васильков».

А.Д. Шаховская в это время уволилась из Дмитровского музея и переехала в Сергиев Посад, поселившись у сестры. Малахиева и Шик-Шаховская решили считать Сережу своим общим ребенком. Варвара Григорьевна писала стихи мальчику. Например, такие.

*Колокольчик хрустальненький,
Цветочек мой аленький,
Спи, усни –
В своей беленькой спаленке.*

*По морозу бегут саночки.
Везет зайнька бараночки.
Одну – козлику,
Одну – котику,
Одну – кошечке,
Одну – розовому ротику
Сережечки.*

До революции Малахиева (Мирович) выступала в печати как литературный и театральный критик: сначала в киевских газетах, а позже в петербургских журналах «Русская мысль» и «Мир искусства». Ее стихотворения печатались в журналах, а в 1923 году вышел сборник «Монастырское». Много стихотворений написала она в Сергиеве. Это и лирические стихи о природе, и юморески, и беглые зарисовки, потешные песенки. Вот одна из зарисовок с названием «Посад».

*Слетаясь на хребте сарая,
Ворон и галок кружит стая;
Под сенью трепетных берез
Звонит на улице покос.
В саду, за частым частоколом
С журчанием дремотным пчелы
Снуют в малиновых кустах.
Как страж, рябина на часах,
Под ней скамья за воротами –
Сидеть вечерними часами
В беседе мирной старикам,
Крестясь на отдаленный храм
Рукой, в трудах дневных усталой,
Когда в лучах заката алых
Средь синей леса темноты
Горят Киновии кресты.*

Особое место в ее творчестве занимали стихи, проникнутые религиозным чувством.

*Три волхва идут ночной пустыней –
Мельхиор, Каспар и Валтасар.
– Слышен Вам далекий голос львиный? –
Оробев, шепнул Каспар.
Валтасар сказал: – Я умираю.
Жажда мучит. Путь еще далек.
Целый день ключа мы не встречали.
Все песок, песок...
Лучше бы от крепкой лапы львиной
Поскорей бы снести один удар,*

*Чем влачиться без конца в пустыне.
И сказал: – Ты прав, – ему Каспар.
Мельхиор же не слышал их речи.
Вся пустыня перед ним цвела
Радостью обетованной встречи
С Тем, к Кому звезда вела.*

*Подайте страннице убогой –
Иду к святым местам.
Разбились лапти по дорогам,
Котомушка пуста.*

*Кто может, – дай щепотку чаю.
Отсыпь и сахарку.
В пути я, грешница, признаюсь
Люблю попить чайку.*

*Прикинь копеечку на свечку,
На общую свечу,
О всякой доле человеческой
Молиться я хочу.*

*Лихих собак попрдержите –
Подол весь изорвут.
В лохмотьях как войти в обитель?
Монахи засмеют.*

*На Валаам – не та ль дорога?
Ой, ширь, ой, высь кругом!
Просторна горница у Бога –
Странноприимный дом.*

Стихотворения Мирovich для детей написаны в гуманистической традиции дореволюционной детской литературы, вызывающей в ребенке чувство жалости ко всему живому. Потом такая литература была объявлена фальшиво-сентиментальной.

*Подстрелили ворону дети –
Играли, шалили с ружьем.
Полетела ворона в поле
И упала на снег ничком.*

*И чернела в снегах ворона,
А вечерних небес бирюза
Ей длинным взором зеленым,*

Как смерть глядела в глаза.

*И погасла. И ночь настала.
Детям сладкий сон принесла.
А ворона всю ночь умирала.
Все никак умереть не могла.*

*На короткой цепи прикована
День и ночь рыдает собака
Человеческим страшным голосом
От неволи, мороза и голода.
И хозяин ее, и прохожие
Ухом привычным
Плач ее слушают,
Забираясь в теплое логово,
И верят, что так положено:
Собаке – собачья доля.*

В 1921 году Мирович, как и другие поэты, продавала свои рукописные сборники стихотворений с собственными иллюстрациями. В 1926–1928 годах вышло несколько ее сборников стихов и рассказов для детей. Позднее она могла только дарить машинописные книжечки стихотворений со своими рисунками – «Детскому саду – в награду» – детям Натальи Дмитриевны.

А детей в этом «саду» становилось все больше:

*Мезонин мой,
Как скворечник,
Переполнен
Звуком вешним,
Щебетанием скворчат,
Звонким лепетом ребят.
Что-то носят,
Что-то просят,
И хохочут,
И хлопочут,
Ножки быстрые топочут...
Как алмаз тысячегранный
Этот зимний день туманный.*

Их отца арестовали, когда Наталья Дмитриевна ждала третьего ребенка. Был декабрь 1925 года.

Шик проходил по делу так называемой «Сергиевской самаринской группировки» вместе со священником о. Сергием Сидоровым, П.Б. Мансуровым, П.В. Истоминым,

князем И.С. Мещерским и Ф.А. Челищевым. Получил два года высылки в г. Турткуль Каракалпакской АССР.

Наталья Дмитриевна осталась почти без средств. С полугодовой дочкой она ездила из Сергиева в Москву, в Исторический музей, где водила экскурсии, а ребенка оставляла у бабушки. Вечером с продуктами и пеленками в рюкзаке и с ребенком на руках возвращалась в Сергиев. Так же, с дочкой на руках, ездила в тюрьму на свидания с мужем. А потом с пятилетним сыном Сережей совершила поездку в Турткуль, несмотря на все трудности и опасности далекого пути.

Положение семьи осложнялось тем, что Шик-Шаховская и ее сестра в январе 1926 года были лишены избирательных прав. Причина – «нетрудовые доходы». И примечание: «Дочь б. князя». У Натальи Дмитриевны в то время было трое маленьких детей, а Анна Дмитриевна работала в Сергиевском обществе изучения местного края, основанном еще в 1922 году по инициативе заведующего педагогическим техникумом Н.Н. Иорданского, Шика и ее самой. В 1925 году обществом был выпущен статистико-экономический сборник по Сергиевскому уезду, в редактировании которого А.Д. Шаховская принимала большое участие. Ею (в соавторстве с Н.А. Ивановой) была написана помещенная в сборник статья о природе края. Кроме того, она выпустила несколько книжек о природе в серии «Библиотечка школьника», преподавала в Педагогическом техникуме и в школе. В 1927 году в Сергиеве был открыт Краеведческий музей, вскоре А.Д. Шаховская была принята туда на службу.

Но весной 1928 года в печати началась травля так называемых «бывших», живших в Сергиеве. Директора музея В.Н. Мордвинову прямо обвиняли в сергиевской газете в том, что у нее работает Шаховская: «Не случайно Мордвинова подбирала близких ей сотрудников музея. Чем объяснить, что Мордвинова воссадила себе на голову архибожественную фигуру в лице княгини и помещицы (так!) Шаховской?..».

Как раз в то время, когда развернулась эта газетная кампания, возвратился в город М.В. Шик, принявший в ссылке сан священника. Он стал служить в Петропавловской церкви. Анну Дмитриевну в мае 1928 года арестовали вместе с большой группой «бывших». А семья ее сестры уехала из Сергиева и поселилась в деревне близ станции Томилино Казанской железной дороги. О. Михаил служил в храме Святителя Николая на Маросейке (он был близок с его настоятелем, священником Мечёвым), а с 1930 года – в храме Святителя Николая у Соломенной сторожки в Петровско-Разумовском.

Малахиева вспоминала: «По свойствам натуры своей он был склонен к так называемой лени, к быстрой утомляемости, к невыносливости, к потребности долгого отдыха. Но когда он стал священником в одной из московских церквей, а жил в одной из подмосковных деревень, по железной дороге в 40 минутах от Москвы, он должен был подыматься с постели в 5 часов утра для того, чтобы попасть в свой храм к ранней обедне. Должен был зимой шагать под вьюгой по заметенной сугробами дороге от деревни к железнодорожной станции. И когда кто-то из родных в разговоре с Наташей упомянул о Мишиной сонливости, она сказала: "Сонливость, ленивость – это уже все в прошлом". И рассказала, как он быстро и легко стряхивает сон, без минуты промедления во всякую погоду пускается в путь. Ни одного разу еще не опоздал к ранней обедне, не пропустил ни одного богослужения».

Дочь священника церкви у Соломенной сторожки о. Владимира Амбарцумова писала о Шике: «Во внешности отца Михаила было что-то ветхозаветное, а скорее апостольское. С него можно было писать образ апостола Павла. Очень активный, энергичный человек с быстрой, широкой походкой. У него было много друзей среди духовенства, и не только московского. Он был очень внимательный и деликатный исповедник».

Отличительной чертой о. Михаила было нежелание кого-либо осуждать. Малахиева писала: «Когда при о. Михаиле начинали осуждать кого-нибудь за какие-нибудь слова или поступки, он с досадой, а никогда с гневом говорил: "Почем вы знаете, что у него было на душе, в это время? Какие мотивы заставляли его поступать так или иначе?.." Он вносил с собою дух миротворчества, незлобия и того "невидения лукавства ни в каком человеке", которое считается высочайшей ступенью христианской добродетели в святоотеческой литературе. Правда, с так называемыми обывателями и обывательницами он держал себя далеко. Способен был с огорченным видом уйти, застав у меня такую гостью. Но когда однажды стали осуждать при нем одну из таких "кумушек", он негодуя встал на ее защиту: "И такая она, и сякая... А если бы мы с такой наследственностью родились и так, как она, воспитывались, и в такой среде жили, может быть, мы еще хуже были бы..."».

К концу своего иерейского служения все привычки роскошной, изнеженной барской жизни были выкорчеваны из него без остатка. Он не тяготился ни длинными службами, ни ранним вставанием, ни длительными беседами с духовными детьми... И ни у кого не было уже речи о недостатке внимания, о рассеянности. Напротив, все отмечали исключительную чуткость его и внимательность к их индивидуальным особенностям и эту чарующую мягкость и теплую человечность, за которую в 18-летнем возрасте его сравнивали с Алешей Карамазовым».

Летом 1931 года снова нависла опасность ареста. И семья из Подмоскovie переехала в город Малоярославец Калужской области (за 101 км. от Москвы). О. Михаил совершал богослужения дома, тайно принимал у себя приезжавших из Москвы духовных детей и некоторых местных жителей. Среди его духовных чад была знаменитая пианистка М.В. Юдина, дочь В.В. Розанова Татьяна Васильевна и даже дочь Менжинского.

Наталья Дмитриевна писала и переводила для детей и юношества популярные книжки о путешественниках, изобретателях, ученых. Книжку о Фарадее, выдержавшую несколько изданий, она написала вместе с мужем. Стала членом Союза писателей. В 1930-е годы написала несколько чудесных рассказов о детях – своих детей у нее уже было пятеро. Писала она еще и о Никите, сыне художника В.А. Фаворского, и о детях о. Сергия Сидорова. Рассказы писались «в стол» и были опубликованы лишь в 1990-е годы.

Детей учили дома и только окрепшими духовно отдавали сразу в третий или пятый класс. В школе, конечно, замечали «инаковость» этих детей, учившихся хорошо, но не желавших вступать ни в пионерскую, ни в комсомольскую организацию. Да и сам о. Михаил не признавал никакой конспирации, всегда ходил в священнической одежде.

25 февраля 1937 года в их дом пришли трое в штатском с ордером на арест. Обнаружили в пристройке признаки домового храма и увели о. Михаила.

Последний раз жена видела его на следующий день после ареста. Она поехала в Москву сообщить родным и друзьям об аресте. И случайно в этот же вагон сели конвоиры с арестованным. Он переговаривался с женой взглядами, потом нарисовал на запотевшем стекле крест – последнее благословение...

Наталья Дмитриевна искала мужа по разным тюрьмам. Тогда люди передавали небольшую сумму денег заключенному: если деньги в тюрьме принимали, значит, человек находится в этой тюрьме. В конце года в справочном окошке одной из тюрем ей ответили, что он осужден «на 10 лет без права переписки». Она плохо слышала, и ей написали на бумажке: «Выслан в дальние лагеря без права переписки». Тогда люди не понимали, что это значит, и она продолжала искать мужа, посылая запросы в разные лагеря. Отовсюду приходили отрицательные ответы.

Во время войны в Малоярославце семья испытала бомбежки, голод и холод. Кроме своих детей, возле Натальи Дмитриевны собрались пожилые родственники и просто знакомые, бежавшие из Москвы от бомбежек и бесприютной жизни. «Семья» выросла до 12 человек.

Малоярославец был оккупирован немцами. Пришел вызов – явиться в немецкую комендатуру с детьми. Старший сын Сергей в то время был в Москве. С матерью оставались дети 17, 15, 13 и 11 лет. Им грозила отправка в гетто и уничтожение. Справки о том, что дети православные, не имели для немцев никакого значения: по крови они считались евреями (по отцу). Вызов пришел 24 декабря 1941 года, но 24–26 числа комендатура не работала в связи с Рождеством. А в ночь на 27-е начался обстрел города нашими войсками. Комендатура спешно эвакуировалась. Первого января наши части вошли в город.

От всего пережитого у Натальи Дмитриевны обострился туберкулез. Понимая, что недалек ее смертный час, она написала в прощальном письме мужу: «Дорогой мой, бесценный друг, вот уже и миновала моя последняя весна. А Ты? Все еще загадочна, таинственна Твоя судьба, все еще маячит надежда, что Ты вернешься, но мы уже не увидимся, а так хотелось Тебя дождаться. Но не надо об этом жалеть. Встретившись, расставаться было бы еще труднее, а мне пора...

Имя Твое для детей священо. Молитва о Тебе – самое задушевное, что их объединяет. Иногда я рассказываю им что-нибудь, чтобы не стерлись у них черты Твоего духовного облика. Миша, какие хорошие у нас дети! Этот ужасный год войны раскрыл в них многое, доразвил, заставил их возмужать, но, кажется, ничего не испортил».

Умерла Наталья Дмитриевна в Московском туберкулезном институте 20 июля 1942 года. Она так и не узнала о судьбе мужа.

Дети остались сиротами. Двоих младших – Дмитрия и Николая – усыновила Анна Дмитриевна Шаховская, дала им свою фамилию. С 1930 года она занималась геологической съемкой и изучением полезных ископаемых (работы эти проводились музеем Дмитровского края). Потом поступила в Московский Геологоразведочный трест, где занималась составлением карты полезных ископаемых. Вскоре ее арестовали вместе с группой профессоров-геологов. Но благодаря хлопотам Е.П. Пешковой, она была освобождена. Затем четыре года проработала научным сотрудником Всесоюзной строительной выставки, а в 1938 году ее принял на работу в Институт геохимии и

аналитической химии АН СССР В.И. Вернадский, старый друг ее отца. С января 1939 года и до самой смерти академика она была его референтом, с ним выезжала и в эвакуацию.

В.И. Вернадский пытался узнать о судьбе М.В. Шика и упорно хлопотал о Д.И. Шаховском, который был арестован в июле 1938 года: обращался к А.Я. Вышинскому, просил разрешения хотя бы передать теплые вещи, потом – к Берии, не боясь признаться в том, что с Шаховским его связывала почти 60-летняя дружба. Только в 1991 году стало известно, что Шаховского, по словам Вернадского – «одного из самых замечательных людей нашей страны», – расстреляли 15 апреля 1939 года.

В 1994 году дети Шика наконец узнали, что их отец был расстрелян на Бутовском полигоне, находящемся к югу от Москвы. В тот день, 27 сентября 1937 года, там расстреляли 272 человека, а всего на Бутовском полигоне за период с августа 1937 по октябрь 1938 года были расстреляны десятки тысяч.

На бывшем полигоне сын В. Шика, скульптор Дмитрий Михайлович Шаховской, установил деревянный крест.

Его сестра, Елизавета Михайловна Шик, пишет: «...25 июня 1995 года, в День всех русских святых, совершена (в походном храме-шатре) первая Божественная Литургия, и с этого времени как-то начинает отступать ощущение мрака и ужаса этого места, сменяясь тихой печалью, смешанной с радостью о том, что найдена земля, которая хранит дорогие останки. Это место перестает быть страшным и становится святым».

В 1996 году на пожертвования здесь была сооружена деревянная церковь во имя Святых Новомучеников и Исповедников Российских. Самое активное участие в ее сооружении принимал автор проекта, Д.М. Шаховской.